

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ВЫПУСК 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМПЕРИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сайнаков Н.А.

Современные вызовы исторической науке значительно повлияли на её облик. Одним из наиболее явных процессов, конструирующих это изменение, стал усиливающийся интерес к человеку как социальному атому или агенту, к фактам сознания, как основному материалу, доступному историку. Возрастающая актуальность микро-истории, социально-психологических подходов, свидетельство всё той же тенденции, когда предметом исторической науки становится динамика социального пространства и контекст личного взаимодействия, а вовсе не глобальные общественные сдвиги с преобладанием экономических факторов. И если можно представить лицо науки прошлого века, как бесстрастно-монументальное, то лицо сегодняшней выглядит живо, эмоционально и даже лукаво.

Лукавство это во многом вынужденное. Методология, активно применяемая в микро подходах, весьма продуктивна, но стоит ей дойти до макро обобщений, и картинка разваливается, оказывается слишком сомнительной и уязвимой. Решительный показатель здесь – всё уменьшающееся количество серьёзных обобщающих трудов. Методологические подходы для макро теорий мало разрабатываются, а используемые концепты значительно устарели и зачастую нуждаются в пересмотре. Как пример можно привести концепцию феодализма, по-прежнему эксплуатируемую отечественной исторической наукой, не смотря на то, что понятие феодализма оказалось серьёзно дискредитировано.

По-видимому, как раз сейчас в нашей науке назрела общая проблема жизнеспособности макроконцептов. Попытаемся проиллюстрировать это на примере понятия «империя».

В ранних римских текстах империя - это полномочия, высшая государственная власть на определённой территории. Власть даётся народом, а отправляется императором. Ещё до нашей эры понятие империи распространилось на всю римскую державу и стало фактически её си-

нонимом. Позже название империи применяла к себе самой Византия, держава Карла Великого, германская полития и испанская монархия. В Новое время название империи присваивали себе наиболее могущественные европейские державы, имеющие колониальные владения.

Очевидно, то, что подразумевали под империей римляне, не равнозначно тому, что под этим подразумевали историки в Новое время. Понятие империи очень быстро превращается в макроконцепт, призванный объяснять эволюцию древних и специфику новоевропейских обществ в сравнительной перспективе. Представляется, что появление понятия империи во множественном числе, как предмета типологии, ещё нуждается в изучении и анализе. Тем не менее, контекст очевиден. Это Европа, разделённая между несколькими империями, и это историки, уверенные в главенстве политических и экономических факторов в развитии общества. Очень скоро империями стали называть и государственные образования, не имеющие имперского самоназвания, появляется Китайская империя, Империя инков, Ассирийская империя и многие другие.

Интересно, что сложившийся в Новое время макроконцепт пережил и становление национальных государств, и глобальные геополитические изменения. Современный энциклопедический словарь утверждает:

ИМПЕРИЯ (от лат. *imperium* - власть) - 1) монархическое государство, глава которого, как правило, носил титул императора

2) Империями назывались также государства, имевшие колониальные владения (напр., Британская империя).

В этих маловразумительных определениях, тем не менее, видны две основные составляющие макроконцепта: империя как тип государства и как экономическая система, основанная на захвате и эксплуатации территорий. Стоит обратить внимание, насколько такое определение империи согласуется с пониманием базовых движущих сил европейского общества XVIII – XX вв.

Тем не менее, макроконцепт «империя» оказался изначально противоречив. Известный английский историк Мозес Финли, в статье «Империя в Греко-Римском мире»¹, датированной 1978 годом, призывает различать Империю и территориальное государство по способу правления и его целям. Собственно, историк предлагает назвать государство империалистским, если в любой данный период времени оно использует власть над другими государствами (общинами или народами) для своих

¹ Мозес Финли. Империя в Греко-римском мире. Перевод статьи: Finley M. I. *Empire in Greco-Roman World* // G&R. 2nd ser. Vol. 25. № 1. (Apr., 1978) P. 1-15. Перевод с англ. Зарщикова А.В., Любимовой О.В. <http://www.ancientrome.ru/publik/finley>

собственных целей и выгод. Необходимыми условиями империи были эксплуатация и прибыль, считает Финли.

Отсюда исходит утверждение историка, что «Когда в начале III века император Каракалла распространил римское гражданство фактически на всех свободных жителей своей державы, эта не слишком значительная административная мера означала, что государство, именуемое нами «Римской империей», прекратило быть империей»².

Оригинальность позиции Финли в том, что феномен, обычно рассматриваемый в своей законченности, он рассматривает как цельный лишь в момент становления, резко разделяя желаемое и полученное. Империя как анаконда, поглотившая сама себя в процессе роста. Однако он совершенно неоригинален в той методологически ущербной точке зрения, что для характеристики явления достаточно выделить один, наиболее существенный его аспект. Эксплуатация у Финли – базис, способ господства – надстройка.

Но вот мы встречаем другую теорию и уже имеем иной базис и иную надстройку. Энтони Пагден, один из ведущих исследователей западноевропейских империй, предлагает собственное определение империи как «протяженного государства, в котором одна этническая или племенная группа управляет другими группами при помощи тех или иных средств»³. Э. Пагден считает, что история концепта империи - это история развития концепций суверенитета, положение, когда суверенитет делился с местными элитами. Протяженность и сложносоставной характер государства, разделение суверенитета являются основными признаками империи. В этом смысле «империя» - относительно поздний феномен, появляющийся лишь в конце XVIII века. Ведь те же римляне, по мнению Э. Пагдена, называли свое государство «республикой» или «принципатом», и в том и в другом случае имея в виду тип политического режима, а не протяженность и не сложносоставной характер государства.

Колониализм представляется Пагдену отдельным феноменом, предполагающим существование обширных отдаленных поселений, в которых уничтожают либо порабащают местное население и с которыми метрополия поддерживает очень слабое взаимодействие. Поскольку речь здесь не идет о разделении суверенитета, Пагден рассматривает колониализм как некоторое противоречие самому европейскому имперскому процессу.

Итак, по Пагдену, получается картина прямо противоположная концепции Финли. Оказывается, настоящие империи вообще сложились

² Там же.

³ Там же.

только в XVIII веке, Римская республика империей не была, а колониализм в виде порабощения – нечто чуждое империи как таковой.

Но вот специалист по доколумбовой Америке, Ю.Э. Березкин⁴, считает главным в определении империи уровень интеграции, то есть степень ограничения суверенитета. Империя рассматривается им как завершающая ступень интеграции, когда центр становится относительно независимой от поддержки «отдельных элементов» общества силой. Государство, объединившее все население в пределах большой природно-ландшафтной и культурно-хозяйственной области или даже нескольких областей, при этом лишившее подчиненные политические единицы не только независимости, но и реальной автономии, есть империя⁵.

Следует обратить внимание как тесно концепт «империи» оказался связан с понятиями «колониализм» и «империализм». Исследователь китайской цивилизации В.В. Малявин, пошёл по пути выделения, в рамках общей типологии политических систем, специфически «имперских» черт государственной организации. В поисках таких черт он считал удобным исходить из империализма как ориентации государства на безграничную экспансию и его способности к ней, пусть даже чисто потенциальной.

С точки зрения В.В. Малявина, в основе империи – способность к экспансии и унификация общественной жизни, подчинённой автономной и самодостаточной имперской политике. Однако очевидно – стремление к экспансии – характерная черта любого государства и будь у него возможности, экспансия будет безгранична, или в потенциале будет являться таковой. Самодостаточность органов власти характерна для всех развитых государств и проявляется тем ярче, чем меньше реальных демократических процедур удалось оставить себе обществу.

Концепции Финли, Пагдена, Берёзкина, Малявина и многих других исследователей страдают одним существенным недостатком – приведённые ими наиболее существенные признаки империи таковыми, по сути, не являются. То есть, либо они отсутствуют у «классических» империй (как в случае с концепцией Финли), либо могут быть признаками множества других политий, империями традиционно не считающимися. Так, если говорить об интеграции, то необходим критерий давности, иначе любое хоть немного крупное государство древности или современности может быть признано империей, так как включает изначально независимые области.

В попытках выявить основание концепта «империя» через изучение исторической семантики и контекста (например, историческое проис-

⁴ Березкин Ю.Э. Инки. Исторический опыт империи. – Л.: Наука, 1991.

⁵ Там же. С.43

хождение концепций имперской власти, которые были связаны с разными религиозными традициями), часть исследователей обратились и к области идей. В своей статье, касающейся трансляции империи, Светлана В. Лурье предлагает начинать сравнительный подход к империологии с сопоставления «комплекса религиозно-государственных идей (который можно назвать центральным принципом империи) лежащего в основании всех внешних и внутренних проявлений имперской практики и практически во всех случаях сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм»⁶. По мнению исследовательницы, именно сочетание культурного универсализма с политическим изоляционизмом и сакрализацией общественно-государственной жизни, и было свойственно имперским традициям. Однако, не смотря на то, что С.В. Лурье отмечает действительно важные составляющие имперской традиции, сущность того, что мы называем имперским феноменом, вновь ускользает. Действительно, изоляционизм характерен для множества политий, отнюдь не все из них – империи. Универсализм, вернее тенденция к культурному универсализму, характерна для всех развитых политий. Что касается сакрализации, то, не говоря уже о том, что она вовсе не является спецификой империй, даже в качестве «*religio civilis* в собственном смысле», она ещё, как мы покажем ниже, для многих византийцев даже не была принципиальной.

Уязвимость подходов, ориентированных на прояснение идей империи, хорошо заметна на примере энциклопедической статьи из Брокгауза и Ефрона, посвящённой Священной Римской империи. Подводя итоги её существования в XVI веке, автор статьи утверждает, что «Реформация уничтожила теорию, на которой основывалась империя»⁷. Но затем он продолжает статью о Священной Римской империи по XIX век включительно.

На семинаре «Теории империи» проводимом нами для студентов и преподавателей исторического факультета ТГУ, был сделан общий вывод, что ни один признак империи, известный в литературе, не является определяющим в отношении неё, и не был полностью воплощён в имперской практике. Речь может идти лишь о тенденциях и категориях преимущества, таких как «намного более крупное», или «наиболее могущественное государство в своём геополитическом пространстве». Не более удачными оказались попытки рассмотреть империю через понятие системы, или, в данном случае – политической системы. Система изначально предполагает в определении сути империи множество раз-

⁶ Светлана В. Лурье «Понятие империи (Translatio Imperii)» <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/history/02/>

⁷ Священная Римская империя

нообразных, взаимовлияющих факторов, однако наличие множества таких факторов лишь затрудняет выделение сущностных характеристик феномена.

Совершенно не случайно, что исследователи всё чаще признаются в том, что используемые концепты империи малопродуктивны и не выходят за рамки национального идеологического дискурса. Дискуссия по поводу феодализма, активно ведущаяся в современной отечественной науке, по мнению ряда исследователей (П.Ю. Уваров и Ю.П. Зарецкий), так же не может считаться частным случаем. Здесь мы видим общемировоззренческую и методологическую проблему устаревания макроконцептов. Признание этой проблемы заставляет искать выход из создавшейся ситуации.

Возможно, что рассматривать макроконцепты следует не как отражение реальности и даже не как идеальные типы, по Веберу, а как продукты исследовательского сознания. Это не значит, что от теоретизирования необходимо отказаться, но означает, что в преподавательской и научной практике необходимо отойти от слепого использования макроконцептов, созданных в XVIII – XIX вв. Современная концепция империи должна делать акцент на актуальных сегодня составляющих – мировоззренческих установках, социально-психологических характеристиках, пространственных и социо-пространственных представлениях. Конкретный набор составляющих может быть различным, но без этой относительной адекватности современной историографической ситуации мы рискуем потерять всякую связь между макро и микро теорией.

Размышляя о путях создания таких новых макроконцептов, полезно ещё раз обратиться к тем, для кого понятие империи имело самое реальное наполнение. Для примера были использованы работы известных византийских историков. Задача формулируется следующим образом: что византийские историки считали, и что не считали империей. При анализе их представлений становится очевидно, что империя оказывается не связана с определённой структурой или системой, экономической или политической. Византийские историки могли бы сказать, что империя, очевидно – управляется монархически⁸. Но и только, ничего другого, относительно политической природы империи, мы так просто не

⁸ У Пахимера приводится речь придворных в пользу Палеолога, который хотел стать деспотом, где, в частности говорится: «Мы удивились бы, если бы кто вздумал управлять римскою империею как-нибудь иначе, а не монархически. Пусть бы державный был и не совершен,— он должен предпочесть без сомнения форму монархическую: она, по крайней мере в мнении, будет тверже, как правильная. Наш народ, знакомый с единоначалием, гораздо охотнее подчинится власти одного». (Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т.1. // Византийские историки, переведённые с греческого при санктпетербургской духовной академии. – СПб, 1862. С.70).

найдем. Такая же ситуация с сакральной составляющей империи, не смотря на то, что религиозным вопросам историками уделяется масса внимания, найти формулировку «христианская империя» или «православная империя» будет практически невозможно. Есть вероятность возражения – это было слишком очевидно, чтобы об этом писать. Однако Фридриху I такая очевидность не помешала назвать свою империю Священной. Его политические мотивы понятны, столь же понятна традиция византийского историописания, сосредотачивавшего своё внимание на деятельности императоров, а не церкви. Тем не менее, мы имеем весьма опосредованную связь идеи империи с христианством⁹. Не случайно внешние враги империи ранжировались преимущественно не по религиозному, а по этническому признаку, да ещё и с изрядной долей архаизации. Как пример можно привести высказывание Анны Комнин, заявляющей, что врагами империи являются её рабы – кельты, исмаилиты и скифские племена¹⁰.

Так же можно сказать, что признаком империи не являются её законы, которым столько внимания уделяется в современной историографии. Что касается сложносоставности, эксплуатации и суверенитета, то это так же не те вопросы, что интересуют византийских историков в связи с природой империи.

А что же их интересует? По мнению Анны Комнин, в природе империи – владычество над другими народами, поэтому у неё много врагов¹¹. Повторившись, сюда следует добавить, что империя единолично управляется. Для Акрополита, Комниной, Пахимера, Дуки, Григоры, Киннама и Пселла важно, что они живут в Римской империи. Олимпиодор и Вриенний вообще не употребляют понятия империя, не употребляет его и Прокопий Кесарийский, заменяя понятием Римская держава. Такое словоупотребление не просто дань традиции. Византийцы действительно продолжают жить в Римской империи, никакой трансляции¹², никакого переноса не было, как не существовало Западной Римской империи, которая, по утверждению более поздней западной историографии, так трагически пала. Для византийских же историков, Римская империя продолжает существовать и этому не может помешать сокращение территорий, экономический упадок, религиозные волнения и нарушение законов. Империя по-прежнему одна среди варваров, одна

⁹ «Царь Венгрии в том году получил Римскую империю и папою Николаем был коронован, и препоясавшись во власть свою» - пишет Дука, совершенно не обращая внимания на факт того, что на троне не православный. (Дука. Византийская история // Византийский временник. - 1953. - №7. - С.338-410.).

¹⁰ Комнина Анна. Алексиада. – М.: Наука, 1965. С.391

¹¹ Там же.

¹² На трансляции настаивает С.В. Лурье

против целого мира. Империя, это одновременно территория и народ и власть¹³. Империю можно не только потерять в ходе войн, её можно проиграть в кости, как думает Михаил Пселл, описывая жизнь Константина VIII: «Насколько он пренебрегал своими царскими обязанностями, настолько был увлечен игрой в кости и шашки. Эта забава его увлекала, и он так ею бредил, что во время игры не обращал внимание на ожидавших его послов и отказывался разбирать самые неотложные дела, не отличал ночи от дня и при огромном своем аппетите вовсе воздерживался от пищи, если только хотел бросать кости. Так вот к нему, делавшему ставкой в игре империю, и приблизилась смерть»¹⁴.

Итак, на основе выше изложенного можно сделать вывод о том, империя, это конструкт, очень специфически взаимодействующий с действительностью. Империи невозможно приписать объективное существование и выделить для неё универсальные критерии. В таком случае встаёт вопрос о целях применения данного конструкта. Для историка такой целью, чаще всего, является сравнение с не-империей. Византийцев такое сравнение интересовало, в первую очередь, как обоснование уникальности того общества, в котором они жили. Это нельзя назвать идеей или принципом империи, поскольку этот принцип никто не проговаривал. Для византийских историков империей оказалось наследство римского владычества, зачастую трагическое превосходство. Для клира это наверняка сакральная власть, высшая ступенька к богу, для многих рядовых византийцев, империя, возможно, это налоговый гнёт. Таким образом, империя выглядит как социально-психологическое, мировоззренческое взаимодействие, диалог разных сил по поводу уникальности жизненного опыта социума, оказавшегося в маргинальной по отношению к остальному миру ситуации. Уникальность империи – в конструировании нетрадиционных связей. Не случайно, на наш взгляд, что империи рождались в моменты разрушения устоявшихся жизненных практик и способствовали ещё большему их разрушению. В этом смысле империя выглядит как способ мировоззренческой адаптации, с большой долей делегирования политических полномочий одному лицу, мировоззренческий порядок, призванный оправдать социальный кризис и придать ему положительное звучание.

¹³ Потеря Константинополя, по мнению ряда византийских историков, вовсе не была фактом падения империи, римляне лишь переселились в её восточную часть. Никифор Григора пишет: «Так успешно в этом году шли дела латинян. На следующий же год они начали грезить о том, чтобы напасть и на восточную часть империи и покорить себе все, там находящееся, чтобы у римлян не осталось никакой надежды восстановить свое царство».

¹⁴ Михаил Пселл. Хронография / Перевод и прим. Любарского Я.Н. - М.: Наука, 1978. Константин VIII. С.7.

Можно сказать, что империя и тирания весьма близкие феномены, с тем только различием, что в империях складывается более устойчивый порядок, за счёт перенесения уникального в типичное, то есть совершается полноценный маргинальный переворот¹⁵. Кроме того, в отличие от тирании, империя оказывается не столько политическим, сколько мировоззренческим переворотом и порядком. И, наконец, империя, в отличие от тирании и некоторых иных форм мировоззренческих порядков, сильно ориентирована во вне, империю сложно представить без большой территории, без доминирования в своём геополитическом ареале.

Таким образом, империю можно трактовать как **мировоззренческий порядок, строящийся на противопоставлении иным единовременным политиям и представлении о территориальном, культурном и политическом превосходстве над ними**. Изоляционизм, универсализм, сакрализация государственной власти, здесь выглядят производными по отношению к тому противопоставлению, которое конструирует имперскую практику, вызревая одновременно с успешными захватами и покорением соседних племён, и приводит к осознанию превосходства.

Подход к империи как к мировоззренческому порядку, возможно, позволит более глубоко окунуться во всё многообразие имперских практик, идей и психологических мотивов, которые питали развитие империй. Сравнение империй в таком ключе ставит вопрос об изучении внутренних импульсов экономического, политического и культурного развития политий, о специфике их взаимодействия с окружающими странами, с учётом общих психологических и мировоззренческих сдвигов. Может быть, результатом использования подобных макроконцептов и станет более продуктивное взаимодействие с бурно развивающейся микро-историей.

¹⁵ Под маргинальным переворотом здесь подразумевается изменение ценностных ориентаций, когда ценности со знаком минус начинают восприниматься как ценности со знаком плюс. Как пример можно привести победу протестантской этики в Европе, в ходе Реформации.